

С. М. БУДЁННЫЙ

Пройденный путь

<Фрагменты>

Приказ — идти на Врангеля

Сентябрь 1920 года.

Молодая Советская республика отражала очередной натиск империалистов. Уже пять месяцев с переменным успехом шла война с буржуазно-помещичьей Польшей. С юга, из Северной Таврии, продолжала угрожать стране белогвардейская армия Врангеля. Советскому народу приходилось напрягать все силы, чтобы выдержать удары врагов, отстоять свою свободу и независимость, свое право строить новую жизнь. Недоставало самого необходимого. На счету был каждый кусок хлеба, каждый патрон. Между тем и польская армия, и врангелевцы щедро снабжались империалистами, имели в изобилии все для войны.

Партия вела колоссальную работу по строительству и укреплению Красной армии. ЦК партии, Владимир Ильич Ленин с неослабным вниманием следили за развитием всех родов войск. Помимо пехотных, артиллерийских создавались инженерные части, формировались бронепоезда, военные флотилии, готовились летчики.

Предметом особой заботы партии была конница. Еще год назад ЦК РКП(б) обратился к партийным организациям с призывом: «Помогайте строить кавалерийские части! Извлекайте всех коммунистов-кавалеристов, создавайте из них ячейки для советской кавалерии!..»*

Соединения 1-й Конной армии, передав часть своих боеприпасов 12-й армии Западного фронта, сосредоточились в районе Бердичева. Мы выполняли директиву главкома Красной армии С. С. Каменева¹, которая гласила, что 26 сентября 1920 года 1-я Конная армия переходит в резерв главкома и в его непосредственное подчинение. «...Имея в виду использовать всю силу грозной Конной армии для окончательной ликвидации Врангеля, рассчитываю, что она в полной

* Известия ЦК РКП(б). 30 сентября 1919 года. № 6.

мере оправдывает надежды, возлагаемые на нее Рабоче-Крестьянской Республикой...»*

На польском фронте временно оставалась лишь 6-я кавдивизия. Ее предполагалось перебросить потом по железной дороге. Узнав об этом, начдив И. Р. Апанасенко² сетовал:

— Товарищ командарм, на кого вы меня покидаете? Я ж сердцем прирос к Первой Конной. К чему отрывать мою дивизию от всей армии?

Я разделял мнение Апанасенко, но сказал:

— Не паникуй, Иосиф Родионович. Раз есть приказ — его надо выполнять. Но буду просить главкома, чтобы пересмотрел свое решение.

На другой день, посоветовавшись с членами Реввоенсовета Конармии, я послал Главкому в Москву телеграмму № 1430/оп, в которой, в частности, писал:

«Для успешного выполнения задания необходимо 6-ю кавалерийскую дивизию также вывести из боя и отправить вместе с армией. Последующая переброска по железной дороге приведет ее в полную негодность»**.

— Если сам Главком не решит этот вопрос, — сказал мне Ворошилов, — придется телеграфировать тогда Сталину.

— Сергей Сергеевич Каменев пойдет нам навстречу, ибо 6-я кавдивизия крайне необходима на врангелевском фронте.

И я не ошибся — наша просьба была удовлетворена. 30 сентября 6-я кавдивизия также двинулась по установленному для нас маршруту. Кроме того, по приказу Главкома из его резерва к нам направлялись четыре кавалерийских полка, которые должны были влиться в армию во время марша.

Конечно, в длительных и тяжелых боях с белополяками мы понесли потери, но и после этого 1-я Конная оставалась крупной боевой единицей. По состоянию на 2 октября 1920 года у нас было комсостава 1577 человек, бойцов (сабель) — 13967, штыков — 2621***, лошадей боевого состава — 18 087, лошадей строевых — 16 396, орудий — 58, пулеметов — 259. Кроме того, в состав армии входили 3 бронепоезда, 1 бронелетучка, 3 автобронепоезда и 3 авиационных отряда — 20 самолетов.

Заботу о 1-й Конной со стороны Центрального комитета партии, лично В. И. Ленина мы ощущали постоянно. Назначенный в мае 1920 года членом Реввоенсовета Юго-Западного фронта И. В. Сталин имел специальное поручение Политбюро ЦК — принять все необходимые меры для повышения боеспособности 1-й Конной.

* Директивы Главного Командования Красной армии (1917–1920). М., 1969. Док. № 771. С. 758.

** РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 979. Л. 287.

*** Там же. Л. 373.

1-я Конная армия особенно укреплялась коммунистами, число которых утроилось. Партийные ячейки были во всех эскадронах и даже во взводах. Наши потери своевременно возмещались. Так, в сентябре к нам прибыло 400 политработников. Причем почти все они знали кавалерийское дело.

Еще до выхода в район Бердичева мы возбудили ходатайство перед Реввоенсоветом Республики о посылке на Дон и Кубань делегатов для вербовки среди казачества добровольцев в Конную армию. Нам разрешили это сделать. Реввоенсовет разработал специальное обращение к крестьянам и трудовым казакам Дона и Кубани, в котором рассказывалось о тяжелой обстановке, какая сложилась в стране в связи с выступлением Врангеля. Мы писали о том, что белогвардейцы вновь насаждают на Советскую Республику. Бароны, помещики, пань снова занесли меч над нашей головой. Но красные конники будут и впредь бесстрашно сражаться с лютым врагом. Мы, как и раньше, твердо уверены в нашей полной и окончательной победе.

«Но, товарищи, облегчите и вы нашу победу, — говорилось в обращении. — Помогите нам последний раз ударить белогвардейцев так, чтобы они больше не встали. Придите на помощь красному фронту, придите на помощь вашим братьям, вашим сынам. Помните, что только единением красного фронта и тыла мы добьемся победы! Помните, что красные бойцы, уставшие в боях, нуждаются в вашей самой живой помощи.

Дайте Красной армии хлеба, дайте фуража! Шлите ваших сынов и братьев! Шлите новых и новых добровольцев!..»*

Реввоенсовет армии, все мы заботились о том, чтобы боеспособность 1-й Конной не снижалась ни на один день. С этой целью в армии широко была развернута партийно-политическая работа. Мы провели ряд занятий с командным и политическим составом по изучению тактики и техники противника. На этих занятиях, как правило, выступали опытные командиры, хорошо знавшие структуру и состав войск Врангеля. На тактических играх учили младших командиров правилам ведения боя с превосходящими силами противника. Разумеется, еще и еще раз анализировались те боевые операции, которые мы успешно провели против Деникина и белополяков.

Кропотливо работали и с прибывавшим пополнением. Реввоенсовет армии обязал начдивов добиться того, чтобы к прибытию в район Каховки все молодые конники отлично овладели своим оружием. Бывалые, особо отличившиеся в боях бойцы рассказывали молодым воинам о славных боевых традициях красных конников, об их верности революции и Советской власти.

Мы сами — К. Е. Ворошилов³, С. К. Минин⁴ и я — во время похода, привалов и на дневках беседовали с бойцами, призывали их быть

* РГВА. Ф. 245. Оп. 4, Д. 335. Л. 57.

смелыми и мужественными. В беседах конармейцы спрашивали нас обо всем, что их интересовало, рассказывали о своих нуждах, о письмах, которые они получали от родных, делились своими заботами и мечтами о том, что будут делать после войны. Такие беседы, тесное общение командиров с бойцами, которые уже много месяцев не знают отдыха, переносят все тяготы суровой походной жизни, постоянно ведут упорную борьбу с врагами, приносили большую пользу — поднимали боевой дух конармейцев, укрепляли их веру в победу.

Реввоенсовет заботился и о том, чтобы на всем протяжении маршрута конармейцы были в курсе событий, происходящих в стране и за рубежом, знали о действиях противника. С этой целью при политотделе Конной армии был создан телеграфно-информационный отдел — «Конарм РОСТА».

Целеустремленно работала в эти дни редакция газеты «Красный кавалерист». На ее страницах публиковались письма, статьи, другие материалы, в которых авторы-бойцы делились своими сокровенными думами, давали полезные советы, как лучше действовать в бою, во время атаки, как бить врага наверняка, как беречь оружие и т. д. Газета «Красный кавалерист» печаталась большим тиражом. Она широко распространялась не только среди конармейцев, но и среди местного населения и пользовалась большой популярностью. Те номера «Красного кавалериста», которые попадали в руки крестьян, зачитывались буквально до дыр. Бойцы с интересом читали все материалы, в которых речь шла о предстоящих боях с Врангелем. Передовую статью «Мы должны раздавить барона» вырезали из газеты, читали и перечитывали, а затем бережно прятали в карман.

«Советская Республика снова переживает тяжелый момент, — говорилось в передовой. — На жизнь нашей Республики, на нашу жизнь покушаются паны и бароны.

Последние силы собрали белогвардейцы, все средства пустили в ход, чтобы еще раз попытаться растоптать нашу Советскую власть.

Три года ожесточенной борьбы с белогвардейцами. Через месяц мы уже будем праздновать третью годовщину Октябрьской революции, а враги все еще лезут.

Паны срывают мир и прут на Советскую Республику.

Барон Врангель, по последним сведениям, уже забрался в Юзовский и Таганрогский районы.

Больше всего опасен сейчас для нас барон Врангель. У него определенное желание захватить железнодорожные узлы, от которых идут железнодорожные пути на Кавказ.

Покушаясь на Донецкий бассейн, а затем на Ростов — Таганрог, барон хочет не только лишить нас донецкого угля, он хочет лишить нас и нефти.

Лишить нас угля, лишить нефти, захватить весь украинский, а если бы удалось — и кубанский хлеб — вот прямая задача Врангеля.

Не дать ему хорошего отпора, не раздавить эту гадину — значит нанести смертельный удар нашей хозяйственно-промышленной жизни, значит затруднять борьбу с польскими панам.

Барон Врангель должен погибнуть от красного меча, банды крымского барона должны быть разгромлены.

Мы должны еще раз, и в последний раз, показать баронам свою мощь, показать свою силу.

Своей дисциплиной, организованностью, проникнутые единым желанием закрепить завоевания революции, мы победим»*.

Реввоенсовет контролировал работу редакции, помогал ей. Однажды мы обратили внимание на то, что газета почему-то не опубликовала на своих страницах ряд важнейших постановлений Реввоенсовета. Я попросил редактора газеты объяснить, чем это вызвано. Он удивился моему вопросу.

— Товарищ командарм, постановлений, о которых идет речь, мы не получали.

— Как это — не получали? — в свою очередь удивился я.

Несколько минут спустя я уже разговаривал по этому вопросу с Климентом Ефремовичем.

— Ведь что выходит, — говорю ему, — Реввоенсовет армии обсуждает вопросы, которые касаются порой не только бойцов, но и гражданского населения, принимают важные постановления, а широкие массы, те, кому их надо выполнять, ничего не знают о них.

Климент Ефремович выслушал меня и сказал:

— Сейчас же передам секретарю Реввоенсовета, чтобы он регулярно информировал редакцию о важнейших решениях командования, какие можно и нужно оглашать в открытой печати.

— И пусть редакция не только публикует важнейшие документы, но и постоянно разъясняет их, — добавил я.

До предела загруженные подготовкой к переходу, мы нашли возможность и время одно из заседаний Реввоенсовета — 4.10.20 — специально посвятить работе газеты. В постановлении** говорилось:

1. Все важнейшие постановления Реввоенсовета посылать в редакцию газеты «Красный кавалерист».

2. Всем учреждениям армии, а также дивизиям, полкам и батареям обязательно подшивать и хранить получаемые очередные номера газеты «Красный кавалерист».

Зампоарму тов. Вардину позаботиться о регулярной высылке газет.

Нам предстояло за короткий срок — 20–25 суток — совершить 700-километровый марш из Бердичева в район Берислава. Надо

* О героизме бойцов Первой Конной армии. Ростов-на-Дону: Ростиздат, 1939. С. 39.

** РГВА. Ф. 245. Оп. 1. Д. 94. Л. 14.

было осмотреть лошадей, подготовить их к длительному переходу: подковать, отремонтировать седла, сбрую. Требовалось заготовить продовольствие, фураж, пополнить боеприпасы, привести в полный порядок обозы. Надо было одеть и обуть самих конников: наступали холода, а обмундирования не доставало. Словом, забот хватало.

К тому же районы, которыми предстояло двигаться Конной армии, кишели агентами врага — белогвардейцами, дезертирами, просто бандитами из состава различных шаек, каких тогда было много на Украине. Они разрушали железные дороги, грабили эшелоны с продовольствием и другими грузами, направлявшимися Красной армии, убивали коммунистов, руководителей местных Советов, активистов. Приходилось быть предельно бдительными.

Реввоенсовет требовал от начдивов, а через них от всех бойцов и командиров 1-й Конной во время передвижения сохранять в строгой тайне маршрут, цели перехода, вести непрерывную разведку, иметь постоянное боевое охранение, надежно прикрывать обозы.

Перед выступлением Реввоенсовет армии разработал и разослал командирам и комиссарам соединений инструкцию о мерах обеспечения марша и о борьбе с бандитами. В инструкции, в частности, говорилось:

«...дабы не задерживать движения Конной армии в назначенный ей район, приказываю с корнем вырвать бандитские элементы в полосе движения дивизий, выделить по одному полку из каждой дивизии и, если обстановка потребует, оставлять эти полки на два-три дня у себя в тылу для окончательной ликвидации бандитов. Выделяемые полки должны иметь большой кадр политработников»*.

Важно было также оградить армию от проникновения в ее ряды агентов врага.

Переход целой армии на другой фронт не скроешь. Врангель, конечно, ожидал, что Красная армия в ближайшее время развернет против его войск решительное наступление. Сила 1-й Конной — ее высокая маневренность и боеспособность — ему известна, и поэтому он стремится узнать, куда она будет направлена, с какими задачами.

Начальник особого отдела армии Г. А. Трушин на одном из заседаний Реввоенсовета доложил, что Врангель издал специальный приказ о засылке в нашу армию своих агентов.

Георгий Андреевич Трушин был хорошим, энергичным начальником. Прямой и честный, он обладал изумительной работоспособностью. Мог не спать несколько ночей подряд, и это нисколько не отражалось на нем. Мы высоко ценили Трушина, доверяли ему самые ответственные дела.

Перед маршем особому отделу удалось выявить несколько белогвардейских агентов, но чувствовалось, что в эскадронах еще оста-

* Там же. Оп. 4. Д. 89. Л. 6.

вались вражеские элементы, чуждые нам люди, которые стремились подорвать боеспособность армии, опорочить ее в глазах местного населения. Они распускали злонамеренные слухи, натравливали конармейцев на местных жителей, а тех — на конармейцев.

Климент Ефремович на этом заседании Реввоенсовета обратил внимание присутствовавших на необходимость всемерного усиления партийно-политической работы среди местного населения. Он предложил выделить в полках наиболее знающих коммунистов и поручить им перед походом выступить с докладами.

— Уверен, что это даст хороший результат, — сказал Ворошилов.

Я поддержал предложение Климента Ефремовича.

Начполештарм С. А. Зотов сообщил о мерах, какие надо предпринять, чтобы обеспечить движение колонн не только днем, но и ночью, подчеркнув, как важно в походе держать оружие в полной боевой готовности и сохранности.

2

Ширина полосы, по которой следовала армия, составляла 120–150 километров. Маршрут нам был дан лишь на половину пути. Куда двигаться дальше, Главком обещал указать в Белой Церкви. В районе Кременчуга после прибытия туда соединений и частей армии предполагалось развернуть наш штаб.

Темпы движения намечались высокие, и поэтому особая ответственность ложилась на разведчиков. Разведотдел армии возглавлял Иван Сергеевич Строило, бывший до этого начальником штаба 6-й кавдивизии. Человек высокой партийной принципиальности, он добросовестно выполнял свои обязанности.

Знал я его давно. Родом он был из Черниговской губернии. Отец его — потомок запорожских казаков, мать тоже казачка. В 1915 году Иван Сергеевич окончил учительскую семинарию. Вскоре его призвали в царскую армию. Стал прапорщиком, воевал на Юго-Западном фронте, которым командовал в то время генерал А. А. Брусиллов. Великая Октябрьская социалистическая революция застала Строило в Омске, куда он попал после ранения. И Иван Сергеевич сразу же перешел на сторону большевиков. Потом работал в подпольной большевистской организации на Дону, в отряде председателя Донского советского правительства Ф. Г. Подтелкова, откуда был послан на курсы политработников в Ростов. Но окончить курсы Ивану Сергеевичу не пришлось. Отряд курсантов ушел на фронт. Когда прибыли в станицу Великокняжескую, там состоялся митинг, где я и познакомился с Иваном Сергеевичем Строило.

На марше Строило умело организовал разведку. Подходя к тому или иному месту, где располагались бандиты, мы уже имели почти все данные о них. Разведчики армии работали в самых отдаленных

районах, особенно там, где орудовали разного рода враги. Это давало нам возможность правильно оценивать обстановку в полосе движения армии и своевременно принимать меры для обезвреживания вражеских лазутчиков.

Хорошо помогали нам украинские трудовые селяне, хотя бандиты грозили им расправой. На память приходит такой эпизод. Двое суток мы продвигались без передышки. Две ночи подряд я не спал и страшно устал. А тут еще погода: снег вперемежку с дождем, слякоть. Часа в два ночи мы остановились на ночевку в одном из сел Александровского района. Послал моего ординарца Григория Гурова разведать, где можно отдохнуть, а сам соскочил с коня. Вскоре Гуров вырос из темноты.

— Товарищ командарм, шагах в ста отсюда есть хатенка. Мужика убили бандиты, но хозяйка вроде добрая...

— Ладно, пойдем...

Неказистая хата. Пошатнувшийся забор, сарайчик, за ним — скирда соломы. Постучали в дверь.

— Кто тут? — раздался женский голос.

— Свои, хозяйшкa...

— Кто свои? Красные?

— Они самые, красные.

Грохнул железный засов, и мы вошли в хату. Хозяйка, лет тридцати пяти, высокая, с черными, как у цыганки, глазами, пригласила присесть. Окинул взглядом комнату. Потолок закоптелый (на столе горел керосиновый каганец), большая русская печь. Дарья (так звали хозяйку) стала собирать ужин: принесла кувшин молока, кусок сала, достала ломоть черного хлеба, положила все это на стол и тихо сказала:

— Ешьте, люди добрые. Небось озябли, так я печку затоплю. У меня же хворост есть... — Она вдруг приложила к глазам конец платка: — Тяжко без мужа, да что поделаешь?.. Вы уж не сердитесь на меня... Одна вот теперь с детьми...

И тут слезы ручьем хлынули из ее глаз. Прерывая рыдания, женщина рассказала, как все было. За два дня до вступления частей 1-й Конной армии в этот район в село нагрянула банда Голого. У крестьян забирали скот, хлеб, другое продовольствие. У Дарьи бандит повел со двора корову. Муж Дарьи бросился к нему.

— Ведь с голоду помрем! — крикнул он. — Четверо детишек. Как им без молока?

Бандит ударил Павла плетью по спине.

— Ты, сволочь большевистская, для нас коровы жалеешь? Красным ее бережешь?

И Павла расстреляли...

Немного успокоившись, Дарья сообщила нам, что в селе орудует немало бандитов. Маскируются под местных жителей. Среди них есть и белые офицеры. Тут неподалеку они по ночам собираются...

— Это где же? — спросил я.

Она вышла на крыльцо и показала в сторону одного дома, в окне которого горел огонек.

— Бачите дом?

— Тот, что с верандой?

— Ага. Там и збираются бандиты. Сам атаман Голый бувае. Токо обо мне ни слова, а то зарубят...

Так рядовая крестьянка помогла нам выявить немало агентов Врангеля, узнать о дислокации банды Голого и позже разгромить ее.

29 сентября в штаб Конармии поступила директива командующего Западным фронтом М. Н. Тухачевского⁵. В ней сообщалось о наметившемся соглашении с предводителем так называемой повстанческой армии Махно, о признании им Советской власти, о его готовности подчиниться фронтовому командованию и совместно с Красной армией выступить против Врангеля. В директиве предлагалось боевые действия против махновцев приостановить, но все же быть настороже.

Последние слова «все же быть настороже» заставили меня улыбнуться. Значит, и М. Н. Тухачевский не был уверен, что Махно до конца признал Советскую власть, что совместно с красными бойцами будет активно сражаться против врангелевцев. Что касается меня, то янисколько не верил Махно и был убежден, что рано или поздно он нарушит соглашение.

Мы уже имели дело с Махно. Злейший враг Советской власти, он не раз наносил удары в спину Красной армии. В 1920 году по пути на польский фронт бойцам 1-й Конной пришлось вести бои с бандами Махно. Несмотря на тяжелое положение на фронте, командование вынуждено было выделять отряды регулярных войск для действий против махновских банд.

Нашему переходу в район Берислава предшествовал ряд событий на юге страны.

К началу 1920 года Красная армия завершила основные операции по разгрому Деникина. Остатки деникинских войск отступали в различных направлениях. Группа генерала Слащёва отходила в Крым. Эта группа состояла из частей 13-й и 34-й пехотных дивизий 2-го армейского корпуса, Особой кавалерийской бригады, Чеченской дивизии, 9-й кавалерийской дивизии.

Наша 13-я армия Юго-Западного фронта, действовавшая на крымском направлении, имела все возможности отрезать группе Слащёва путь в Крым, окружить и уничтожить ее, но не сумела сделать этого. Предпринятые в январе попытки прорваться через Перекоп в Крым и добить там Слащёва не принесли успеха. Крым остался в руках белогвардейцев и интервентов.

В. И. Ленин 15 марта 1920 года писал в Реввоенсовет Республики:
«Нужно постановление РВС:

обратить сугубое внимание на явно допущенную ошибку с Крымом (вовремя не двинули достаточных сил);

— все усилия на исправление ошибки...

— в частности, приготовить морские средства (мины, подводные лодки и т. п.) и возможное наступление с Тамани на Крым...

Ряд точнейших и энергичнейших постановлений РВС об этом необходим немедленно!»*

Несколько позднее в Крым переправились уцелевшие деникинские войска с Северного Кавказа (35–40 тысяч вместе с тылами).

Так образовался Крымский фронт. Империалисты, не расстававшиеся с мечтой вооруженным путем свергнуть в России советскую власть, принялись всячески укреплять его.

Деникина, не оправдавшего доверия интервентов, заставили уйти в отставку. Характерно его заявление об этом:

«Три года российской смуты я вел борьбу, отдавая ей все свои силы и неся власть, как тяжкий крест, ниспосланный судьбой.

Бог не благословил успехом войск, мною предводимых. И хотя вера в жизнеспособность армии и в ее историческое призвание не потеряна, но внутренняя связь между вождем и армией порвана. И я не в силах более вести ее.

Предлагаю военному совету избрать достойного, которому я передам преемственно власть и командование»**.

Деникина заменил барон Врангель. Небезынтересно напомнить, как это происходило.

«20 марта***, накануне предполагавшегося моего отъезда из Константинополя в Сербию, — пишет Врангель, — верховный комиссар Англии адмирал де-Робек пригласил меня завтракать на флагманском корабле “Аякс”. Я выходил из посольства, когда мне вручили принятую английской радиостанцией телеграмму из Феодосии от генерала Хольмана****. Последний сообщал, что генерал Деникин решил сложить с себя звание главнокомандующего и назначил военный совет для выбора себе преемника. На этот совет генерал Деникин просил прибыть меня. Телеграмма показалась мне весьма странной. На службе я уже более не состоял, и приглашение генералом Деникиным меня, только что оставившего пределы армии по его требованию, трудно было объяснить. Обстоятельства, при которых генерал Деникин принял это решение, стали мне известны лишь впоследствии...

Завтрак кончился, адмирал де-Робек просил меня и генерала Мильна***** пройти к нему в кабинет.

* Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 51. С. 161–162.

** Врангель. Белое дело. Берлин, 1928.

*** Все даты даны по старому стилю.

**** Представитель Англии при генерале Деникине.

***** Командующий английским оккупационным корпусом.

— Сегодня я отправил вам принятую моей радиостанцией телеграмму генерала Хольмана, — сказал он. — Если вам угодно будет отправиться в Крым, я готов предоставить в ваше распоряжение судно. Я знаю положение в Крыму и не сомневаюсь, что тот совет, который решил собрать генерал Деникин для указания ему преемника, остановит свой выбор на вас...»

Назначение Врангеля главой Белой армии в Крыму было предложено интервентами, и, конечно, совет «избрал» его!

Империалисты помогли «черному барону» реорганизовать и заново оснастить армию, численность которой вскоре перевалила за 100 тысяч человек. Они щедро снабжали Врангеля самолетами, танками, артиллерией, боеприпасами. В Крым насильно отправлялись русские военнопленные, оставшиеся после мировой войны в Германии и Австро-Венгрии. В портах Крыма находились корабли интервентов, в том числе американские миноносцы. Опытные разведчики империалистов помогали Врангелю развернуть шпионско-диверсионную сеть. Отпускались крупные средства на содержание армии. Так, английское правительство передало Врангелю 14,5 миллиона фунтов стерлингов из кредитов, предназначенных ранее для Деникина. При штабе Врангеля находились военные и дипломатические миссии Англии, Франции, Америки, Японии.

Помощь интервентов Врангелю возрастала по мере того, как он активизировал действия своих войск. В августе американцы доставили в Крым 436 пулеметов, около 2,5 миллиона патронов, 3130 винтовок и разное военное снаряжение. В сентябре Врангель вел переговоры с США о займе в 50 миллионов долларов. На эту сумму США должны были поставить ему вооружение, уголь, нефть. В октябре — ноябре американцы доставили в Крым разных материалов больше чем на 1,6 миллиона франков. Французское правительство спешно отправляло туда крупные военно-морские силы. Несколько тысяч французских офицеров изъявили желание поехать на помощь Врангелю. Правительство Латвии пропустило через Ригу в Крым 200 офицеров-белогвардейцев.

«2 мая, — писал в своих мемуарах Врангель, — прибыл в Севастополь командующий английским оккупационным корпусом генерал Мильн. Он посетил меня. Это посещение, по его словам, имело специальной целью ознакомиться с той громадной работой по реорганизации армии и устройству тыла в Крыму, о коей он был осведомлен через своих агентов. Личные впечатления его в Севастополе, как он говорил, это полностью подтвердили.

Он просил меня указать, не испытываю ли я нужду в каких-либо предметах боевого снаряжения, и выразил полную готовность сделать все от него зависящее для ее удовлетворения. Я поблагодарил за предложение и сказал, что в настоящую минуту особенно нуждаюсь в бензине для боевых машин и рельсах для проведения ветки

к Бешуйским копиям, разработка коих облегчит острую нужду в угле. Генерал Мильн отдал тут же распоряжение об отпуске бензина из Батума и предложил воспользоваться для получения рельсов старым русским имуществом, оставшимся в Трапезунде. На замечание мое, что в Трапезунде могут встретиться затруднения со стороны турок, генерал Мильн предложил послать с нашим транспортом английский броненосец для прикрытия погрузки».

После реорганизации в состав армии Врангеля вошли 4 армейских корпуса (1-й — генерала Кутепова, 2-й — генерала Слащёва, Донской — генерала Абрамова и сводный, смешанного состава, — генерала Писарева) и 2 кавдивизии. Эти дивизии в июне были сведены в отдельный конный корпус. Командовал им генерал Барбович. Армия имела 108 орудий, 630 пулеметов, 24 броневедомоцикла, 12 танков, 4 бронепоезда, 24 самолета. К осени число самолетов возросло до нескольких десятков. Врангель обладал довольно крупными военно-морскими силами. Интервенты захватили на Черном море и передали Врангелю линкор («Воля»), 3 крейсера, 10–11 миноносцев, 8 канонерских лодок, 4 подводные лодки, минные заградители, тральщики и много других судов. Всего в Черном море находилось вместе с флотом интервентов 8 линейных кораблей, 17 крейсеров, 47 эсминцев и миноносцев, 4 подводные лодки и много других кораблей и судов.

Чтобы создать себе прочный тыл, «черный барон», конечно с согласия интервентов, стал проводить определенную политику. Он возвращал помещикам все отнятое у них революцией, начал продавать землю наиболее зажиточным крестьянам с рассрочкой на ряд лет. «Земельные законы» Врангеля предусматривали средний размер крестьянского хозяйства в 100–150 десятин земли. Это была явная ставка на кулачество. Рядовое же крестьянство, беднота, крымские рабочие нещадно эксплуатировались, что вызывало массовое недовольство населения. В Крыму разрасталось партизанское движение.

Войскам Врангеля в Крыму противостояла наша 13-я армия под командованием И. П. Уборевича⁶, входившая в состав Юго-Западного фронта.

Следуя директиве фронта, армия готовилась ворваться в Крым, для чего ее силы были разделены на две группы — Перекопскую и Сивашскую. Но одновременно готовился к прорыву из Крыма в Северную Таврию, на оперативный простор, в богатые хлебом районы, и Врангель.

В апреле Перекопская группа начала наступление. Ожесточенные бои продолжались несколько дней. Наступление успеха не имело. Наши войска, понеся потери, отошли на исходные позиции.

13-я армия начала готовить новое наступление. Но его пришлось отложить. Для Юго-Западного фронта решающим в тот момент стало киевское направление (против белополяков).

В июне Врангель взял инициативу в свои руки и начал наступление. 1-й армейский корпус Кутепова наносил удар по Перекопской группе 13-й армии, сводный корпус Писарева — по Сивашской, на Сальково, 2-й армейский корпус Слащева высадился десантом в районе Кирилловки, захватил Мелитополь и перерезал важную для 13-й армии железную дорогу на Синельникове.

Наши войска упорно сопротивлялись, предпринимали ожесточенные контратаки. В одном из боев в ночь на 11 июня кавалеристы 3-й бригады 2-й кавдивизии, разбив наголову белогвардейскую часть в селе Ново-Михайловка, захватили в плен командира Чеченской дивизии генерала Ревизиона. О нем И. В. Сталин писал Владимиру Ильичу:

«Взятый нами в плен десятого июня на Крымском фронте боевой генерал Ревизион в моем присутствии заявил: а) обмундирование, орудия, винтовки, танки, шашки врангелевские войска получают главным образом от англичан, а потом от французов; б) с моря обслуживают Врангеля английские крупные суда и французские мелкие...»*

О том, сколь ожесточенно проходили бои, свидетельствовал и сам Врангель в своих мемуарах:

«Танки и броневики двигались впереди наших частей, уничтожая проволочные заграждения. Красные оказывали отчаянное сопротивление. Особенно упорно дрались латышские части. Красные артиллеристы, установив орудия между домами в деревнях Преображенка и Первоконстантиновка, в упор расстреливали танки. Несколько танков было разбито...»

Однако враг обладал большим превосходством в силах. Наши войска отошли по всему фронту и заняли оборону на линии по правому берегу Днепра от Херсона до Никополя, на левобережье — от Васильевки, Большого Токмака до Бердянска на юго-восток.

В конце июля противник начал новое наступление, основная цель которого заключалась в том, чтобы выйти в богатые сельскохозяйственные и промышленные районы Донбасса и Дона. Помимо 13-й армии наступление врага отражала сформированная в июле 2-я Конная армия. Командовал армией О. И. Городовиков⁷, членами Реввоенсовета были назначены Е. А. Щаденко⁸ и К. А. Макошин⁹. Бои продолжались до 3 августа. На наступление врангелевских войск командование Юго-Западного фронта ответило решительным контрударом. Боевые действия отличались высокой маневренностью. То и дело вспыхивали встречные бои. Наиболее активно они велись в районе Орехова. Сам Орехов несколько раз переходил из рук в руки. Противнику все же удалось овладеть им. Отсюда он повел наступление на Александровск и занял его. Но на этом успехи Вран-

* Сталин И. В. Соч. Т. 4. С. 335.

геля кончились. В ряде мест под ударами 13-й армии и 2-й Конной ослабленные в боях белые войска начали отступать.

В августе командование Юго-Западного фронта предприняло контрнаступление против Врангеля. Боевые действия велись с 7 августа по 5 сентября. Ночью 7 августа части 13-й армии, преодолевая ожесточенное сопротивление врага, в ряде пунктов (Алешки, Корсунский Монастырь, Каховка) форсировали Днепр. Образовался ставший историческим каховский плацдарм на левобережье.

Одновременно повели наступление войска левого фланга — части 13-й армии и 2-я Конная. Хотя наступление здесь развивалось медленно, все же к концу августа наши части подошли вплотную к Мелитополю.

Обеспокоенный этим успехом Красной армии, Врангель предпринял ряд попыток отбросить наши войска в районе Каховки за Днепр, но понес большие потери и успеха не добился.

В отражении вражеского наступления, в создании каховского плацдарма большую помощь сухопутным частям оказывали моряки созданной всего несколько месяцев назад (в марте 1920 года) для действий в северозападной части Черного моря и на Нижнем Днепре специальной флотилии.

Во время летнего наступления Врангель пытался ввести в Буг, Днепро-Бугский лиман и Днепр боевые корабли. Их появление здесь значительно ухудшило бы положение красных войск, осложнило обстановку. Но все эти попытки решительно и смело пресекались моряками. Врага встречал меткий огонь морской береговой артиллерии и плавучих батарей, с воздуха наносили удары гидросамолеты. Фарватеры, ведущие к лиману, прикрывались минными заграждениями.

Корабли флотилии, действуя на Нижнем Днепре, вели огонь по вражеским позициям, переправляли наши войска через Днепр, высаживали в тыл врангелевцев десанты. За лето и осень 1920 года в десантах было высажено до 5000 бойцов.

Однако Врангель не отказался от замысла войти в Донбасс, форсировать Днепр в районе Александровска и юго-западнее Никополя. Была сделана попытка захватить Кубань. С этой целью в августе на Кубани высадились две крупные десантные группы: генерала Улагая — у поселка Ахтарский, генерала Харламова¹⁰ — на Таманском полуострове. Третий десантный отряд — генерала Черепова¹¹ — высадился северо-западнее Новороссийска.

В сентябре Врангель предпринял в Северной Таврии новое наступление и добился крупного успеха. Отбросив в Донбасс 13-ю армию, он занял Синельниково, Волноваху, Мариуполь.

Врангель стремился координировать свои действия с польским командованием. В июне в Польшу ездил военный представитель Врангеля генерал Махров. Империалисты, щедро поставляя все не-

обходимое польской армии, в то же время усилили помощь Врангелю. Из США в Крым непрерывным потоком шло оружие, боеприпасы, снаряжение. Английский премьер-министр Ллойд Джордж¹² заявил, что в связи с неудачами польской армии военная интервенция против Советской России может стать необходимостью и что английское правительство возьмет на себя снабжение армии Врангеля*.

11 августа французское правительство опубликовало следующее заявление: «Принимая во внимание военные успехи и усиление правительства генерала Врангеля, а также его заверение относительно... верности прежним обязательствам России, французское правительство решило признать правительство генерала Врангеля фактическим правительством Южной России...»**

Официальное признание Врангеля послужило «юридическим обоснованием» последующих шагов. В Крым прибыла французская военно-дипломатическая миссия. Для ее «охраны» в Черное море вошли французские военные корабли, в том числе флотилия миноносцев.

Из-за вторжения Врангеля в Северную Таврию ухудшилось положение страны. Снова в разных районах начали поднимать голову недобитые белогвардейцы. Усиливалась активность бандитских шаек. На Кубани к середине августа насчитывалось 27 банд общей численностью свыше 13 тысяч штыков и сабель. Возникла и оформилась в течение июля так называемая «армия возрождения России» генерала Фостикова, представлявшая для нас серьезную опасность — ее численность составляла 5,5 тысячи штыков и сабель с десятью орудиями и десятками пулеметов. Монархист Фостиков решительно встал на сторону Врангеля, «черный барон» установил с ним связь.

Врангель становился главной опасностью. 10 июля Центральный комитет РКП(б) обратился с письмом ко всем партийным организациям.

«Белогвардейские банды мятежника генерала Врангеля продолжают держаться на юге России, — говорилось в обращении. — В самый тяжелый момент борьбы русских и украинских рабочих и крестьян с польской шляхтой генерал Врангель ввел свои войска в самые плодородные уезды Украины и пытается ныне прорваться на Дон. Его движение уже нанесло неисчислимый вред Советской Республике. Каждый, даже временный и незначительный, успех врангелевских мятежников грозит еще большими бедами. Хлеб, уголь и нефть, предназначенные для спасения рабочих и крестьян России, находятся под угрозой. Донецкий бассейн, Дон и Кубань,

* См.: История Гражданской войны в СССР. Т. 5. М.: Госполитиздат, 1960. С. 185.

** Газета «Таймс». Август 1920.

кровью лучших сынов трудового народа освобожденные от Деникина, находятся под ударами Врангеля. В глубоком тылу Красной армии, победоносно продвигающейся на Западном фронте, белогвардейские бандиты производят разрушения и грозят сделать ближайшую зиму не менее тяжелой, чем зима 1919 г.

Победа над Польшей не будет действительно победой, если Врангель не будет разгромлен: наступление Врангеля есть только часть польского наступления.

На Крымском фронте мы теперь расплачиваемся только за то, что зимой не добились остатки деникинских белогвардейцев. Голод, разруха транспорта, нехватка топлива будут длиться дольше, потому что в свое время не было проявлено достаточно энергии, настойчивости и решительности в доведении до конца уничтожения южной контрреволюции.

Далее медлить нельзя! Врангель должен быть уничтожен, как уничтожены были Колчак и Деникин!

Величайшим преступлением каждого коммуниста и каждой рабочей организации будет, если они не употребят всех сил, чтобы немедленно прекратить продвижение Врангеля и уничтожить крымское белогвардейское гнездо.

Партия должна понять, что если Врангелю удалось его первые шаги, то только исключительно потому, что партия не обратила на крымский гнойник достаточно внимания и не срезала его единым и решительным ударом.

Центральный комитет призывает все партийные организации и всех членов партии, все профессиональные союзы и все вообще рабочие организации поставить на очередь дня и немедленно принять меры к усилению борьбы с Врангелем. В ближайшие дни внимание партии должно быть сосредоточено на Крымском фронте! Мобилизованные товарищи, добровольцы должны направляться на юг. Каждому рабочему, красноармейцу должно быть разъяснено, что победа над Польшей невозможна без победы над Врангелем. Последний оплот генеральской контрреволюции должен быть уничтожен!

Над Крымом должен взвиться красный флаг рабочей революции! К оружию, товарищи!..»*

По личному указанию В. И. Ленина фронт усиливался новыми частями и техническими средствами.

11 июля И. В. Сталин обратился к В. И. Ленину со следующим письмом:

«Председателю Совета Труда и Оборона товарищу Ленину.

На совещании в составе Главкома, начальника Полевого штаба и запред. Реввоенсовета Республики, созванном мною на днях, Глав-

* Правда. 10 июля 1920.

ком обещал перебросить на усиление Крымского фронта ряд воинских частей и технических единиц, перечень которых представляю Вам согласно Вашего устного предложения.

- 1) 52-я стрелковая дивизия;
- 2) 1-я стрелковая дивизия;
- 3) 23-я стрелковая дивизия;
- 4) 9-я стрелковая дивизия;
- 5) 9-я кавдивизия;
- 6) Добровольческая сибирская бригада;
- 7) бригада курсантов;
- 8) 1-я бригада Гольберга;
- 9) 2-я бригада Гольберга;
- 10) кавполк Гольберга;
- 11) четыре марш-эскадрона Гольберга;
- 12) девять марш-батальонов (окружных);
- 13) десять тысяч пополнений (до 15 июля);
- 14) кроме трех отправленных бронепоездов еще семь бронепоездов;
- 15) танки, число коих не установлено;
- 16) один истребительный авиационный полк в составе трех истребительных авиационных эскадрилий;
- 17) два разведывательных авиационных отряда (двухместные самолеты).

Это письмо И. В. Сталина В. И. Ленин переслал Э. М. Склянскому¹³ с резолюцией: «Прошу вернуть мне это с Вашими пометками, что уже выполнено, что когда именно выполняется»*.

В Северную Таврию были направлены с Кавказского фронта 2-я Донская и 9-я стрелковые дивизии, 5-я и 7-я кавдивизии. Из Сибири прибыла 30-я стрелковая. С Туркестанского фронта — интернациональная кавалерийская бригада и несколько стрелковых полков. Фронт пополнялся авиацией (33 самолета). На Нижнем Днепре была создана речная флотилия, на Азовском море — Азовская военная флотилия.

2 августа 1920 года Политбюро ЦК РКП(б), обсудив положение, сложившееся на юге страны в связи с успехами Врангеля и восстаниями на Кубани, приняло решение выделить врангелевский фронт в особый фронт. В тот же день В. И. Ленин направил телеграмму И. В. Сталину, в которой обратил его внимание как члена ЦК и члена Реввоенсовета фронта на громадную опасность Врангеля. Владимир Ильич, в частности, писал:

«Только что провели в Политбюро разделение фронтов, чтобы Вы исключительно занялись Врангелем. В связи с восстаниями, особенно на Кубани, а затем и в Сибири, опасность Врангеля становится громадной, и внутри Цека растет стремление тотчас заключить мир с буржуазной Польшей. Я Вас прошу очень внимательно

* Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 51. С. 237.

обсудить положение с Врангелем и дать Ваше заключение. С Главкомом я условился, что он даст Вам больше патронов, подкреплений и аэропланов»*.

В. И. Ленин всесторонне, глубоко ознакомился с обстановкой на фронтах, выяснил мнение военного командования, членов ЦК, и его запрос И. В. Сталину свидетельствовал о той осмотрительности, с какой Владимир Ильич подходил к решению вопроса о борьбе с Врангелем и уничтожении его войск. Причем Ленин никогда не горячился, но жестко требовал выполнения принятых Политбюро и ЦК партии решений.

Сталин подробно высказал свои соображения в связи с постановлением Политбюро от 2 августа. Их он доложил 4 августа телеграммой в адрес ЦК РКП(б).

«Надо полагать, — писал И. В. Сталин, — что речь идет не об объединении двух фронтов, их аппаратов и имущества и создании новых аппаратов Южфронта, а о передаче двенадцатой, Первой Конной и четырнадцатой армий Запфронту, что Реввоенсовет, аппарат и имущество Югзапфронта не разбиваются и не делятся, а остаются нетронутыми в целях их превращения или переименования в РВС и аппараты нового, Южного фронта, причем передаваемые Запфронту армии Югзапа будут обслуживаться РВС и штабом Запфронта в их нынешнем виде. Такая комбинация была бы более естественной и безболезненной, ибо она, во-первых, исключает ненужную трату сил по разделению или объединению фронтов, сформированию нового РВС фронта и по разбивке старых аппаратов, с другой стороны, дала бы возможность объединить все антипольские армии в единый Запфронт...»**

Из телеграммы И. В. Сталина далее следовало, что в состав нового Южного фронта помимо 13-й и 2-й Конной армий должна была войти 9-я армия Кавказского фронта.

Все эти соображения И. В. Сталина о проведении в жизнь Постановления ЦК от 2 августа были одобрены Реввоенсоветом Республики и рассмотрены 5 августа на Пленуме ЦК партии. Пленум принял решение:

«Утвердить предложенный тов. Сталиным вариант, принимаемый РВСР»***.

Таким образом, ЦК РКП(б) признал необходимым передать Запфронту 12, 14 и 1-ю Конную армии и тем самым объединить на заключительном этапе войны все войска, действовавшие против польских интервентов, в составе одного фронта. Это позволяло использовать их более целеустремленно для достижения успеха на главном, вар-

* Там же. С. 247.

** История Гражданской войны в СССР. Т. 5. С. 153.

*** Там же.

шавском направлении. Своевременным было и решение о создании самостоятельного фронта против Врангеля.

21 сентября Реввоенсовет Республики образовал Южный фронт. В него вошли 6-я и 13-я армии, 2-я Конная армия, был предreshен вопрос о передаче вновь образованному фронту 1-й Конной. Включена она была в состав Южного фронта 23 октября.

По предложению В. И. Ленина Пленум ЦК РКП(б) рекомендовал командующим Южным фронтом Михаила Васильевича Фрунзе. Членами Реввоенсовета фронта были утверждены С. И. Гусев¹⁴ и Бела Кун¹⁵.

Вскоре мы получили первый приказ нового командующего фронтом о его вступлении в должность. Он был подписан двойной фамилией — Фрунзе-Михайлов. Может, это тот самый Михайлов? Тогда мы встречались не раз. Познакомился с ним в Минске в 1917 году, где был председателем полкового комитета и заместителем председателя солдатского комитета Кавказской кавалерийской дивизии. Михайлов и еще один большевик, Александр Мясников¹⁶, давали мне советы, как вести революционную работу среди солдат, связали меня с Минским городским комитетом партии, приглашали на заседания Минского городского Совета рабочих и солдатских депутатов. Я повседневно чувствовал их заботу о повышении моей политической сознательности. Они помогли мне глубже понять политику большевистской партии, разглядеть буржуазное нутро всех партий, враждебных большевикам. Работа под руководством Михайлова и Мясникова была для меня настоящей большевистской школой, хотя я в то время был беспартийным. Климент Ефремович тоже, конечно, знал Михаила Васильевича, знал давно, но лишь по партийной кличке — Арсений.

27 сентября М. В. Фрунзе прибыл в Харьков, где находился штаб фронта, и в тот же день обратился к войскам с приказом, о котором я уже говорил. Этот приказ лишний раз свидетельствует о высоких душевных качествах М. В. Фрунзе как коммуниста и полководца.

«Вступая ныне в исполнение своих обязанностей, — писал М. В. Фрунзе, — с первой мыслью и первым словом я обращаюсь к вам, товарищи красноармейцы.

...Вся рабоче-крестьянская Россия, затаив дыхание, следит сейчас за ходом нашей борьбы здесь, на врангелевском фронте. Наша измученная, истрадавшаяся и изголодавшаяся, но по-прежнему крепкая духом сермяжная Русь жаждет мира, чтобы скорее взяться за лечение нанесенных войной ран, скорее дать возможность народу забыть о муках и лишениях ныне переживаемого периода борьбы. И на пути к этому миру она встречает сильнейшее препятствие в лице крымского разбойника — барона Врангеля.

...Борьба с Врангелем приковывает внимание не только России, но и всего мира. Здесь завязался новый узел интриг и козней, при по-

мощи которого капиталисты всех стран надеются подкрепить свое шатающееся положение. Успехи Врангеля окрылили их надеждами и поддерживают бодрость в борьбе с надвинувшейся вплотную волною пролетарского движения в их собственных странах.

На нас, на наши армии падает задача разрубить мощным ударом этот узел и развеять прахом все расчеты и козни врагов трудового народа. Этот удар должен быть стремительным и молниеносным. Он должен избавить страну от тягот зимней кампании, должен теперь же, в ближайшее время, раз навсегда закончить последние счета труда с капиталом. Командованием фронта все меры, обеспечивающие его успех, приняты; очередь за вами, товарищи.

...Врангель должен быть разгромлен, и это сделают армии Южного фронта.

...Победа армии труда, несмотря на все старания врагов, неизбежна. За работу, и смело вперед»*.

<...>

Долго сидел я в ту ночь над картой Северной Таврии. Надо бы отдохнуть, но сон не приходил. Думал все об одном и том же, пытаюсь представить, что, делается в штабе противника, чем занят сейчас сам Врангель? Что удалось нам скрыть? Что ему известно? Он, безусловно, знает, что красные готовят большое наступление. Какие контрмеры предпримет? Проигрыш сражения для белых — для самого Врангеля и его окружения, для большинства фанатичных врангелевских офицеров — равносильна смерти. Они ясно отдают себе в этом отчет и драться будут ожесточенно.

Некоторые историки и даже военные специалисты, говоря о Врангеле, порой умаляют его как военного деятеля. Это неправильно. Врангель был опытным и энергичным военачальником. Он умел собрать людей воедино, в один кулак, в нужный момент мог сыграть на настроении офицеров и солдат.

Этим и объясняется тот факт, что после поражения главы южнорусской контрреволюции Деникина в руководстве белого лагеря все чаще стало упоминаться имя Врангеля. Антанта увидела в нем именно того человека, который способен повести войска против армий молодой Советской республики. Жестокий и самолюбивый, Врангель и сам не прочь был стать «спасителем отечества».

Пожалуй, самым слабым местом в войсковой организации Врангеля были его генералы. Я хорошо знал и Покровского, и Шатилова, и Улагая, и других: нам приходилось их бить в 1919 году. Это были не очень храбрые вояки, с узким военным кругозором, с ограниченным оперативным мышлением¹⁷. Улагай — в прошлом богатый помещик — мой давний «знакомый». В Первую мировую войну

* Фрунзе М. В. Избранные произведения. Т. I. М.: Воениздат, 1957. С. 347.

я четыре года был у него в подчинении в 18-м драгунском полку. Потому и знал его слабые и сильные стороны.

<...>

Как мы ни спешили, войска Врангеля успели погрузиться на суда и уйти в море. Белогвардейцы бежали что было сил, бросая технику и вооружение. Врангель учитывал неизбежность эвакуации и заранее все приготовил. В полной боевой готовности находились корабли интервентов. Иностранные миссии, в том числе американский Красный Крест, всячески помогали эвакуации остатков врангелевских войск. «Американский Красный Крест, — писали впоследствии сами белогвардейцы, — принимал живейшее участие в эвакуации Крыма. Миноноски непрерывно курсировали между Севастополем и Константинополем, успевая вывозить тысячи людей, томившихся на берегу в ожидании посадки на суда. На острове Проти развернут американцами лазарет на 200 раненых и общежития на 800 человек»*.

В своих мемуарах Врангель говорил, что ему удалось на 126 судах вывезти 145 693 человека, не считая судовых команд. За исключением погибшего от шторма эскадренного миноносца «Живой», все суда благополучно пришли в Царьград.

Врангель приврал. Ведь с ним бежали служащие тыловых учреждений (а их было великое множество), находившиеся в Крыму царские чиновники, капиталисты, собственники крупных имений... Если посчитать, сколько было таких, и вычтеть из приведенной Врангелем цифры, то на долю солдат боевых частей останется немного. По нашим данным, Врангелю удалось эвакуировать вместе с беженцами всего 83 000 человек. Подавляющее большинство врангелевских солдат или погибли в бессмысленном бою, когда Врангель отверг ультиматум советского командования, или попали в плен. Только в Феодосии сдались в плен более 30 различных войсковых частей Врангеля во главе с командным составом.

Иностранцы были ошеломлены таким ходом событий. Французское газетное агентство признало тогда, что в военных кругах (Франции) выражают большое удивление по поводу быстроты, с которой произошла катастрофа**.

Впрочем, с годами наши враги за рубежом, в том числе и белогвардейцы, которым удалось бежать с Врангелем, вынуждены были признать, что удары красных войск в Крыму были настолько сильны, что устоять против них белые никак не могли.

<...>

Пламенные слова Владимира Ильича запали в мою душу на всю жизнь, стали для меня руководством к действию на все годы.

* Последние дни Крыма: Сборник. Константинополь, 1920. С. 25.

** См.: Правда. 5 декабря 1920.

«Меня упрекали, например, в том, — говорил Владимир Ильич, — что я выдвинул новую теорию о предстоящей новой полосе войн. Мне не нужно заходить далеко в историю, чтобы показать, на чем основаны были мои слова. Мы только что покончили с Врангелем, но войска Врангеля существуют где-то, не очень далеко от границ нашей республики, и чего-то ждут»*.

«Да, — думал я, — за Врангелем надо глядеть и глядеть».

* Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 42. С. 172–173.